

СЧАСТЛИВКА

Повесть

Передние колеса завязли в ракушечнике, и мотор заглох.

— Здесь и остановимся.

— Сдай назад. Косо стоит.

— Почему же косо? Ровно...

Клементьеву не хотелось сдавать назад. Он очень устал: сегодня почти пятьсот километров, да еще по такой жаре. Против обыкновения жена не стала спорить. Поеживаясь, она смотрела на море. Над бурлящей синей водой неподвижно стояла черная туча. По туче бродили еще более черные столбы. Они были до того правильной формы, что казались частями какой-то железной конструкции. Иногда столбы начинали тлеть изнутри, и на их поверхности на мгновение появлялась раскаленная добела нерозная сеточка. Море и небо выглядели одинаково, и нельзя было понять, в каком месте кончалось море и начиналась туча. Берег походил на что-то живое. Он шипел, рычал, злился, плевался со злобой извилистыми белыми плевками. Волны долго катились по длинной песчаной отмели и оставляли пену почти у самых колес машины.

— Нас не зальет?

— Нет. Видишь, намыт бугорок? Дальше пробиться у моря не хватает сил.

Жена опять поежилась. Она не любила ничего беспорядочного, необузданного, грубого.

— Ох, и врежет сейчас, — предрек Лапушка. — Может перевернуть и унести в море.

— В самом деле... — забеспокоилась жена. — Давай уедем отсюда.

— Или может быть прямое попадание шарухи. Пустынный берег и одинокий предмет. Шарухи любят одинокие предметы.

— Какие шарухи?

— Шаровая. По силе взрыва равна небольшой атомной.

— Перестань пугать мать. Пошли ставить палатку.

Лапушке очень не хотелось вылезать из машины, и он задумался, очевидно ища теоретическое обоснование не ставить палатку.

— Лучше подождать, пока пройдет дождь, — начал он наконец поучительным тоном. — Тогда песок уплотнится и можно будет выбрать более ровную, незатопляемую площадку. Кроме того, если мы поставим палатку на сыром песке, то завтра в жару там будет целый день прохладно.

— А если не будет жары?

— Жара будет по теории вероятности. Если здесь целое лето не́кло, то почему именно завтра оно должно исчезнуть?

— Ладно. Вылазь.

Отец и сын вышли из машины. Клементьев даже зажмурился, столько вокруг было света, темно-синего и белого. Темно-синий — море и небо, белый — ракушечник. Место было удивительно. Еще никогда Клементьеву не приходилось бывать в таких местах. Обычно там, где Клементьев отдыхал, море выглядело маленьким. Оно заслонялось горами, изгибами, строениями, камнями, лесом... Здесь же не было ни гор, ни камней, ни изгибов. Белая коса, на которой они остановились, пересекала синий простор пополам, и было очень похоже, что находишься на палубе огромного корабля, уже давно ушедшего в открытый океан от забот и суеты берега. Или на подводной лодке. Клементьев никогда не плавал на подводной лодке, но, наверно, все выглядит именно так, как сейчас, когда лодка всплывает: море справа, море слева, море впереди, море сзади... И никаких посторонних звуков, кроме звуков волн. И качка... После долгой езды у Клементьева слегка кружилась голова, и ему казалось, что узкая коса покачивается, как палуба...

Впрочем, сзади у них было не море, а лиман, так как вода в нем выглядела более светлой и на той стороне росли редкие камыши. За камышами, особенно белые на фоне тучи, проглядывали сквозь зелень садов домики маленькой деревушки. Слева же ничего не было, сколько хватало взгляда, лишь белый ракушечник и море; справа, недалеко от них, стояла палатка. Клементьев инстинктивно остановил машину недалеко от нее. Безлюдье и бескрайность этой косы так поразили и подавили его в первый момент, что он, человек в общем-то склонный к одиночеству, все же выбрал место поближе к человеческому жилью. За па-

латкой было совсем пустынно. Коса уходила в дождливую мглу...

Сюда они попали случайно. Приближался вечер, пора было сворачивать с шумной автострады и устраиваться на ночлег. Клементьев раскрыл карту в поисках какой-нибудь речушки, где они обычно привыкли разбивать лагерь, и вдруг с удивлением обнаружил, что в том месте, где они находились, совсем близко к автостраде подходит море. Каких-нибудь километров тридцать...

— Может быть, заночуем на море? — спросил Клементьев жену и сына.

— Смотри сам, мне все равно, — ответила жена. — Скорее бы уж добраться...

— Мне тоже все равно, — объявил Лапушка. — Но учти, что в восемнадцать футбол, а у тебя всегда на скорости треск...

Клементьев свернул с автострады. В небольшом пыльном городке, куда они вскоре прибыли, он спросил, как проехать к морю. Человек, возле которого они остановились, лишь махнул рукой:

— Море там.

— А есть там стоянка? — спросил Клементьев. — Что бы народу было не много.

— Есть, — ответил человек серьезно.

Теперь Клементьев понимал, каким идиотским казался человеку его вопрос в пяти километрах от такого места.

Они проехали эти пять километров по очень пыльной дороге. Пыль была не песчаной, а ракушечной. Она тяжело поднималась на несколько сантиметров, нехотя тащилась метр-два за машиной и опять ложилась в спячку, к которой привыкла за миллионы лет.

Вначале, возле дамбы, ограждающей город от сильных волн и где располагался городской пляж, народу было много, в большинстве своем мальчишки и пенсионеры с удочками, потом, когда проехали висячий железнодорожный мост и началась коса, они остались одни. Начало косы было неуютным: песок залит нефтью от стоявших в порту судов, усеян битым стеклом и ржавыми консервными банками: очевидно, здесь была городская свалка; от лимана тянуло карболкой — последствия схватки с комарами. Из обширных камышовых пространств, затянутых бурой, кое-где радужной пленкой, не доносилось ни звука, там ничто не шевелилось, не плескалось, не квакало... Но постепенно коса становилась чище, веселее, и уже через несколько ки-

лометров они ехали по едва видной плотной колее только среди двух цветов: белого и голубого. Потом над морем появился третий — черный...

Человек, у которого Клементьев спросил насчет ночлега, оказался, в отличие от ранее встреченного, очень разговорчивым. Он охотно объяснил, что дальше забираться не имеет смысла, что коса тянется чуть ли не на сто километров, аж до самого Крыма, так что любители ходят отсюда «напрямки» «по морю» в Крым, как «Иисусы Христы», и что лучше всего остановиться здесь вот, напротив их деревушки, которая называется Счастливкой. Море тут теплое, потому что мелкое, дно — хошь, в пляс иди. И хотя местность ровная, кустов и деревьев на берегу нет, чтобы сбегать «до ветру», зато недалеко пляж турбазы «Приморочка» и там есть уборная. Кроме того, в селе имеются магазин и кафе, а самое главное — ларек, в котором есть все, чего может жаждать в 6.30 утра страждущая душа.

— В шесть тридцать? — удивился Клементьев.

— В шесть тридцать, — гордо ответил «счастливец». — Бывает даже пиво. Но пиво к нам возят из Керчи, а там вся почва пропитана морем, и потому керченское пиво немного солоноватое, но это даже лучше, так как не надо его подсаливать.

Впрочем, пришлось бы остановиться напротив Счастливки, даже если бы сюда не возили никакого пива: надвигалась гроза.

Палатку они ставили под моросящим дождем. Сначала пришлось разгрести верхний слой ракушечника. Мокрый слой оказался неглубоким. Достаточно было провести босой ногой, как подошва ощущала жар нижнего слоя. Казалось даже, что капли дождя шипят, соприкасаясь с раскаленным за длинный день ракушечником. Ветер, густо насыщенный брызгами, сорванными с волн, тянул со стороны тучи, медленно, но уверенно подтаскивая грозу, и Клементьев почему-то подумал о молодом сильном бурлаке, ведущем лодку против течения.

Работа продвигалась слабо. Лапушка все время впадал в теорию, то относительно угла наклона кольев, то по поводу причин появления складок на боках палатки, и Клементьев в конце концов был вынужден отказаться от его услуг, тем более, что приближалось время матча. Лапушка ушел в машину. Клементьев с женой быстро установили палатку. Они едва успели перенести в укрытие постель, газовую плитку, консервы, как ударил дождь. Тяжелая

масса воды свалилась на палатку, прогнула крышу. Палатка втянула бока, как испуганная кошка, заскрипели сборные металлические колья. Жена с опаской оглядывала брезентовое сооружение. Она впервые попала в такое приключение.

— Как там наш Лапушка?

— Крыша у него надежнее нашей.

— Ты бы все-таки глянул.

— Что с ним может случиться в машине?

— Вдруг он забыл закрыть окно?

Клементьев накинул плащ и вышел из палатки. Толстые длинные струи хлестнули его по плечам и голове, по голым кистям рук. Ракушечник глухо стонал. Поверхность его трудно кипела, как густо заваренная овсяная каша. Исхлестанные, обессиленные волны катились к берегу, становясь все тоньше и прозрачнее, и наконец, втоптаные дождем в песок, умирали тонкими дрожащими медузами. Деревушка скрылась за стеной дождя, исчезла и левая часть косы, только справа слабыми контурами проступала палатка соседей. Теперь уже коса не напоминала всплывшую подышать свежим воздухом подлодку. Она походила на обломок потерпевшего крушение корабля, который буря несет в открытое море...

Теплый дождь стекал по непокрытой голове Клементьева под воротник рубашки, ослеплял, попадал в нос, горло. Дождь был солоноватый на вкус. «Это оттого, — подумал Клементьев, — что ветер срывает с волн пену...»

Лапушка сидел ссутулившись, опустил лицо к приемнику. Лицо у него было сосредоточенное и обиженное. Наверно, его команда проигрывала. Если бы Клементьев не знал, что сын слушает матч, то можно было бы подумать, что у человека большое горе. Вода текла по переднему стеклу потоком, размывала контуры Лапушки, и сейчас он был похож на витязя из старой-старой сказки. Сидит витязь за залитым дождем слюдяным окошком, широкоплечий, русый, молодой, и крепко думает думу-кручинушку. То ли о предстоящей сече, то ли о неудачной охоте...

Жена оказалась права. Левое окошко было наполовину открыто. Дождь рикошетом попадал на плечо Лапушки, растекался темным пятном по рубашке.

— Подними окно.

— Что?

— Подними окно.

— А-а, сейчас...

- Есть хочешь?
- Нет.
- Через полчаса будет готово.
- Хорошо...

Лапушка поднял стекло, не отворачивая лица от приемника. Его длинные ноги не умещались на водительском кресле, и колени торчали чуть ли не до подбородка.

Дождь с металлическим грохотом сек черный синтетический плащ Клементьева, белым сплошным кольцом стекал у ног в песок. Клементьеву казалось, что он стоит в черной одежде, отороченной белыми кружевами, человек неизвестно какого времени и какой национальности.

Металлические конструкции над морем между тем медленно перемещались вправо, становились бледнее, словно покрывались серой морской солью, рокотание слышалось глуше, трещинки молний уже трудно было разглядеть на бледно-голубом фоне. Гроза явно скатывалась в сторону.

Клементьев постоял еще немного, вслушиваясь, как все глуше стучит дождь в его синтетический плащ. Всю дорогу ему не хватало дождя. Лето стояло жаркое. Поля, мимо которых они ехали, были преждевременно желтые, какие-то неестественные, полынь на склонах оврагов совсем высохла, ломалась под ногами и пахла растерто-остро. Речушки совсем обмелели, вода в них была светлая и легкая, посередине речки неподвижная, но у берегов быстро струилась вокруг коряг и корней деревьев. У этих коряг и корней каждую минуту разыгрывались трагедии: разбивались причудливой формы сказочные армады кораблей — жухлые листья... На тихие илистые плесы речки выносили желтый песок, укладывали его песчинка к песчинке, и, чуть-чуть напяртя воображение, можно было представить себе, что этот песок золотиносный... На рассвете Клементьева будили тяжелые всплески, словно кто-то бросал в речку камни — это крупной рыбе не хватало воздуха в мелкой воде.

Только однажды Клементьев проснулся от частой барабанной дробы по палатке. Пока он сообразил, в чем дело, пока развязывал закрытую изнутри палатку, пока искал под надувным матрасом стоптанные башмаки, дождик уже кончился. Он был коротким и мелким, но совершенно изменил мир. Когда Клементьев вылез из палатки, он совсем не узнал леса. Кроны деревьев стояли поредевшие, сбросив желтеющие и даже еще совсем зеленые листья. Остро и свежо пахло первой осенью и почему-то только

что выпавшим снегом. Это было особенно удивительно—то, что изменился запах. Еще с вечера лес пах летом: горячей корой деревьев, размягченной смолой, пыльной землей, сухой паутиной, спелыми ромашками, краснеющей земляникой, влажными сочными лютиками, майскими жуками. Эти запахи были сухими и поверхностными. Ими дышалось трудно и часто.

После дождя же воздух был похож на воду лесной маленькой речки, которая долго летляет между корнями деревьев, шелестит опавшими листьями, размывает корни трав... Однажды Клементьев умылся из такой речки. Долго горело его лицо от студеной воды, а травяной запах перебил запах табака и бензина. Тем утром хорошо думалось, легко вспоминалось, и Клементьев, вместо того чтобы разводить костер, бесцельно пробродил по лесу, припоминая, где и когда он слышал такой запах. Вспомнил — в детстве, когда отец поднимал на рассвете собирать хворост в ближайшей лесной балке; в юности, когда заблудился с девушкой в осеннем лесу и пришлось ночевать на постели из опавших листьев. И вот неожиданно в разгар лета, в хилом леске, близ Крыма. Когда жена и сын проснулись, лес опять был сухим и знойным. Клементьев попытался было рассказать про дождь, но ему не поверили и даже немного посмеялись.

То был первый дождь за все лето. И вот сейчас... такое буйство воды, красок...

— Сима, иди чисть картошку!

Клементьева звали Семеном, но жена еще в молодости перекрестила его в Симу. Тогда это было очень смешно.

В палатке было тепло и уютно. Бесшумно горела газовая плитка, из кастрюли вкусно пахло. Жена, в брюках, с собранными в узел волосами, казалась особенно молодой. Она любила готовить, любила кухонные запахи, ей очень нравилось наблюдать за обедающими, но сама она ела мало и неохотно.

«Дождь... Очень хорошо, что дождь, — думал Клементьев, очищая картошку. — Песок станет плотным. Буду ходить босиком. Пойду на лиман ловить рыбу. В лимане должна быть рыба...»

— Окно было открыто?

— Да.

— Вот неудачный какой уродился. Футбол слушает?

— Да.

— Ты бы заставил его что-нибудь делать. Задачки, что

ли, порешал бы. Зря только учебники с собой возим. Через месяц в школу. Опять будут вызывать.

— Сегодня на ночь заставлю.

— На ночь задачки вредно. Перенапряжется. Сны плохие будут сниться. Пусть лучше почитает. Позор, восьмой класс, а «Графа Монте-Кристо» даже не читал. Я помню, еще в четвертом классе...

«Только где вот брать наживку, — думал Клементьев, — червяков в ракушечнике нет, а на хлеб ловить морскую рыбу стыдно и неприлично... Впрочем, как только пройдет дождь, наверно, появятся аборигены. Мальчишки-аборигены. Уж они-то знают, на что ловить...»

— И поплавать его заставь. Сколько едем — в воду ни разу не залез.

— Дождь, кажется, прошел, я пойду позову.

— Возьми все же плащ. Накрой Лапушку, а то простудится еще, ветер холодный.

Клементьев взял плащ и вышел наружу. Дождь действительно прошел. Туча оказалась как бы разрубленной на две части. Одна часть, синяя, еще сохранившая в какой-то степени былую мощь, свирепствовала над деревней, другая, рыхлая, бледная, уходила в сторону моря. В ней, как в вате, барахталось запутавшееся солнце. Но уже было светло и тепло, почти солнечно. Теперь всюду преобладал мягкий голубой цвет. Машина, ярко-красная, сияющая, мокрая, сейчас особенно казалась чужеродным телом. Закупоренный со всех сторон инопланетный летательный аппарат с сидевшим за стеклом чужеземцем.

— Опusti стекло, дождь прошел.

— А...

— Опusti стекло, дождь прошел.

Сын покрутил ручку возле себя, потом перегнулся к противоположной дверце и опустил стекло там.

— Кончился матч?

— Кончился...

— Твои проиграли?

— Да...

— Чего же ты сидишь? Пошли кушать.

— Мне не хочется.

— Поесть надо. Ты и так сегодня не обедал. Пойдем.

Сын вышел из машины, ладный, широкоплечий, потянулся.

— Тепло...

— Пойдешь со мной рыбачить?

— Устал. Я лучше полежу.

— Тогда не лежи бесцельно. Читай. Позор, пятнадцать лет, а «Графа Монте-Кристо» не прочитал.

— Дался вам этот «Граф». Я его два раза по телику видел.

— Муж-чи-ны! Где вы там задевались? Кушать подано! Симочка!

«В деревне, наверно, есть лодка, — думал Клементьев, поглощая душистый суп из венгерских концентратов. — Можно договориться и порыбачить ночью. Это здорово. Особенно если будет луна. Интересно, будет ли сегодня луна...»

— Ты ничего не ешь, Лапушка.

— А сама?

— Я наелась.

— Сохраняешь талию, а меня хочешь сделать троглодитом?

— Ах ты мой троглодит маленький...

«Отойти немного на веслах, а потом поставить парус. До вечера можно успеть сделать парус. Есть солдатское одеяло, оставшееся еще от отца, и целая охапка реек. Как хорошо, что они подобрали упавшие с грузовика рейки...»

— Сейчас я тебе постелю на солнышке. Чтобы читал мне «Графа Монте-Кристо».

— Я этого «Графа» уже два раза по телику видел.

— То по телику...

«Снасти можно взять у рыбаков. А не выйдет ничего со снастями — возьму свои закидушки. Поставлю пару... Побегит за бортом лунная дорожка... Сколько я уже не видел за бортом лунной дорожки? Когда девушка... Ее звали Лерой...»

— Не понимаю, почему мы не купим автомобильный телик. Сейчас бы какой-нибудь худфильм посмотрели... А то сиди весь вечер, как дурак...

— Все отец. Можно было вместо акваланга купить телик. Все равно с этим аквалангом никто плавать не будет. А телик я бы тоже с удовольствием посмотрела. Сима, ты почему не купил телик?

— Что?

— Почему ты не купил нам телик?

— Надо отдыхать на природе.

Ах, как была горда и непреклонна Лера. Как недоступна была она на носу лодки, забаррикадировавшаяся своими прекрасными, стыдными, ослепительными коленками. Как грациозно бежала ее тень по облитым луной кустам